
Ж. К. ТАЙМАГАМБЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В АРИДНОЙ ЗОНЕ КАЗАХСТАНА

Территория Казахстана находится на стыке крупных географических подразделений Евразийского материка, совпадающих в определенной степени с историко-культурными областями Восточной Европы и Центральной Азии. Исходя из этого, проблемы палеолита Казахстана имеют глобальное значение и выходят далеко за рамки региона.

Ключевые слова: аккумуляция, аридизация, артефакт, геоморфология, денудация, миграция, палеолит, плейстоцен, территория, рельеф.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.34.001>

Цитирование: Таймагамбетов Ж. К. Некоторые проблемы раннего палеолита в аридной зоне Казахстана // Вестник МИЦАИ. Вып. 34. Самарканд, 2022. С. 7-15.

ОДНОЙ из актуальных проблем в современной фундаментальной науке Казахстана является процесс первоначального заселения территории человеком. Предпосылки появления древнейших гоминид на территории Казахстана заложены палеогеографическими условиями второй половины верхнего плиоцена. Наиболее ранние следы обитания, зафиксированные на огромной территории от африканского материка до территории Сибири, свидетельствуют о довольно обширном пространстве расселения первобытных гоминид. Сейчас ясно, что на рубеже 1,5–1 млн лет назад в сходных экологических условиях на открытых пространствах Прикаспия, в Туранских пустынях, в Монголии, в Северном Китае уже обитали гоминидов. Палеогеографические условия плиоцена позволяют считать, что равнины Азии с относительно невысокими горами и благоприятным климатом могли способствовать быстрой их миграции далеко на север. Казахстан, Монголия, Северный Китай, видимо, были северными районами ойкумены (Таймагамбетов 1993).

За последние годы нами обнаружены и изучены сотни стоянок каменного века, датирующиеся в хронологическом интервале от верхнего плиоцена до голоцена. Многие из них являются комплексными и несут следы очень длительного пребывания древних гоминид на одних и тех же геоморфологических позициях, нередко на протяжении нескольких сотен и сотен тысяч лет. Разнообразный и информативный археологический

материал палеолита Казахстана позволяет ставить вопрос о времени первоначального освоения этой территории человеком с глубокой древности, а также о взаимодействии автохтонных и аллохтонных культур каменного века.

Единственный стратифицированный Кош-кургано-Шоктасский палеолитический комплекс является своего рода связующим звеном между Западом и Востоком Евразии в миндельское время.

Огромные территории Казахстана, безусловно, играли важнейшую роль промежуточных ареалов, через которые проходили миграции древнего человека с юга, с востока на запад и наоборот, что предопределяло раннее заселение этих районов человеком.

Вопросы методики анализа памятников аридной зоны. Казахстан как страна с ярко выраженной аридностью имеет очень маломощные плейстоценовые рыхлые отложения. В силу этого обстоятельства большинство комплексов палеолитических индустрий находится на поверхности. Поэтому особенное значение приобретает методический аспект исследования памятников «открытого» типа и анализа каменного инвентаря. Методике изучения памятников с «разрушенным культурным слоем» посвящена работа И.И.Коробкова 1971 года. Отдельные методические разработки отражены в работах Б. А. Литвинского, А. П. Окладникова, В.А. Ранова (1962, 1965), А. П. Деревянко, В. Т. Петрина (1989), Х. А. Амирханова (1991) и др.

В аридной зоне культурный слой на большинстве памятников не мог формироваться, вследствие этого одна и та же поверхность на протяжении тысяч и сотен тысяч лет накапливала на себе следы трудовой деятельности человека. На большинстве памятников обнаружены комплексы разного времени, и они занимают огромные площади. Нам кажется, что для отражения подобной ситуации более приемлемым является понятие «поверхностный культурный горизонт», предложенный В. Т. Петриным (1991), нежели «памятники с разрушенным культурным слоем».

Для памятников с «поверхностным культурным горизонтом» характерны следующие признаки:

1. культурные остатки лежат на поверхности;
2. разновременные культурные остатки часто смешаны;
3. практически отсутствуют костные остатки, очаги и другие бытовые сооружения;
4. основной категорией находок является каменный инвентарь.

Отсюда можно видеть, что особое значение приобретает методика изучения каменного инвентаря. Первостепенным является такой показатель, как степень сохранности поверхности с учетом вида и качества исходного сырья. На destruction поверхности влияет несколько факторов:

- 1) механическая эрозия – коррозия, десквамация;
- 2) химическая эрозия – растворение, гидратация, гидроокисление;
- 3) биологическая эрозия – воздействие живых организмов, мхов, водорослей.

При анализе каменной индустрии крайне важно определение контекста памятников по роду человеческой деятельности. Для аридной зоны Казахстана наиболее характерными являются памятники, которые можно назвать мастерскими, сопряженными с поселениями и стоянками.

Методика исследования стратифицированного Кошкурстано-Шоктасского комплекса ничем не отличается от методики вскрытий обычных погребенных памятников палеолита.

Некоторые памятники раннего палеолита «поверхностного залегания». В Казахстане благодаря исследованиям Х. А. Алпысбаева и А.Г. Медоева в 1950–70-х гг. получили известность многие стоянки раннего палеолита, в том числе Борыказган, Танирказган, Акколь (Алпысбаев 1979), Семизбугу, Шахбагата (Медоев 1982) и многие другие. Особенностью переходных районов является фрагментарность и мозаичность событий и явлений. Так, палеолит хребта Каратау

характеризуется, по крайней мере, двумя линиями эволюции. Первая характерна для куэстового района гор Малый Каратау и базируется на почти черных массивных кремнях (Борыказган, Танирказган, Кызылтау и т. д.). Самые древние стоянки связаны с вершинами куэст – останцов некогда обширной исходной поверхности пенеплена. Более поздние, мустьерские и позднепалеолитические, располагаются у подножий куэст и имеют большой хронологический разрыв с местонахождениями раннего палеолита. (Алпысбаев 1979).

В урочище Шабакты на плоской поверхности удлиненного останца среди архаических отщепов так называемого клетонского типа, подобных арыстандинским, найдены два рубила. Первое, треугольной формы, выполнено из серовато-зеленого кремнистого известняка, его рабочий конец двусторонней обивкой превращен в дугообразное острое лезвие. Второе рубило овальной формы напоминает массивное скребло, обнаружены еще два характерных для этого времени орудия. Одно из них напоминает африканские чоппинги, грубые рубящие орудия с широким рабочим краем, изготовлено из крупной гальки. Дугообразно выпуклая рабочая его часть заострена с двух сторон крупными сколами, а противоположный конец не обработан. Другое изделие выполнено из расколотого пополам куска желвака. Один край его обработан крупными сколами, орудие напоминает грубое рубило (Алпысбаев 1979).

К раннеашельскому периоду относятся стоянки в урочищах Борыказган и Танирказган. Здесь в пределах четко ограниченного скопления культурных остатков обнаружены четыре группы изделий, представляющие основные типы каменной индустрии древнейшего человека, населявшего районы хребта Каратау. Это – грубые рубящие орудия с одно- и двусторонней обивкой рабочего края, рубила ашельского типа с тщательной обработкой рабочих лезвий, массивные отщепы клетонского типа, крупные аморфные желваки – нуклеусы. Все они несут на себе следы глубокого выветривания и сильной патинизации. Подобный набор каменных орудий характерен и для других стоянок у озера Акколь (Алпысбаев 1979).

Многочисленные стоянки и стоянки-мастерские были открыты Казахстанско-Российской археологической экспедицией на хребте Каратау на юге, на территории полуострова Мангышлак и Муголжарах на западе (Деревянко и др. 2003). Немаловажное значение имеет открытие уникальных палеолитических комплексов в Кызылтау (Южный Казахстан). Район северо-восточного склона хребта Каратау представляет собой денудационную холмисто-грядовую равнину с

комплексом невысоких, но выдержанных куэстообразных уступов, склоновых поверхностей и поверхностей конусов выноса. Этот участок принадлежит к тем разновидностям аридной зоны Казахстана, где представлены поверхностные объекты, на которых артефакты залегают в виде сплошного покрова на больших площадях и приурочены к определенным формам рельефа. Все это – сотни тысяч артефактов, образующих участки в несколько квадратных километров. Естественно, на громадных стационарных местонахождениях такого рода неизбежны проблемы, связанные с выяснением реальных и условных границ отдельных стоянок, характером проецирования их материалов на дневную поверхность, линейным перемещением артефактов в пределах микроландшафта местности с учетом его плоскости, крутизны и контрастности, расчленением разновременных изделий на отдельные совокупности и т.д. Очевидно, что и выбор методических приемов исследования и правил применения на отдельных участках таких местонахождений зависит от конкретных условий и степени их сохранности. Объекты на Кызылтау далеко не равноценны. Материалы, представленные здесь, приурочены к разновысотным участкам куэстоподобных возвышенностей (4–5 уровней), склоновым поверхностям, конусам выноса, промоинам и впадинам (*Дервянко и др.* 2007).

Необходимо обратить внимание не только на большую древность местонахождений в Кызылтау, но и на уникальность их по степени концентрации находок. Местонахождений с поверхностным залеганием культурного слоя в этом районе десятки, что требует дальнейшего тщательного картографирования. На некоторых местонахождениях общей площадью в сотни квадратных метров наблюдается до 300–400 находок на 1 кв.м, что особо выделяет эти палеолитические комплексы, и не только в Казахстане. По степени корразии артефактов их можно разбить на четыре хронологические группы. Для решения проблемы первого человека в Казахстане особое значение имеют две первые группы (*Дервянко и др.* 2007).

Такая же картина и в Западном Казахстане. Стоянка Шахбагата обнаружена А. Г. Медоевым и находится на территории Мангистауской области (ил. 1). Коллекции культуры протолеваллуа-ашель получены из русла лога с колодцем Шахбагата и с фрагментами четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай. Единичные образцы извлечены из-под рыхлого чехла, прикрывающего абразионную морскую террасу. Основным сырьевым материалом для изготовления орудий служили пласты и линзы халцедона,

которые в избытке обнажаются в бортах долин и уступах морских террас (*Медоев* 1982).

Состав индустрии культуры протолеваллуа-ашель – нуклеусы протолеваллуазского типа; крупные и массивные сколы леваллуа (в основном отщепы прямоугольной формы); различные бифасы из краевых отщепов, обработанные сколами по краям; кливеры, изготовленные бидорзальной техникой; колуны из отщепов; сколы техники комбева (бивентральные), представляющие собой готовые, практически без вторичной обработки колуны и т. д. В коллекции особняком выглядят два артефакта, изготовленные из морских галек – чоппер и чоппинг. Изделия имеют «разительное сходство с орудиями олдувайской культуры» (*Медоев* 1982). Возможно, здесь смешаны образцы «олдувайской культуры» и древнего ашеля.

Кстати сказать, восточное засушливое побережье Каспия, в отличие от западного, имеет одну уникальную особенность: находящиеся здесь известняки буквально пронизаны особыми породами – кремневыми брекчиями, которые служили источниками сырья для первобытных орудий.

Раннепалеолитические комплексы обнаружены не только на плато Устюрт, в Западном Казахстане, но выявлены и в районе Эмбы на западных склонах Мугалжарских гор, а также на северном побережье Аральского моря и озера Балхаш. Многочисленные артефакты обнаружены в «поверхностном залегании» и свидетельствуют о процессе заселения указанных районов древним человеком в плейстоцене (*Дервянко и др.* 2003).

В результате работ нами было открыто и изучено более двух сотен местонахождений с поверхностным залеганием артефактов, которые впервые открыты только за два полевых сезона. На стоянках в Мугалжарах и Мангышлаке на выходе древних пород и древнего материала, куда в течение тысячелетий приходил первобытный человек делать орудия, на одном квадратном метре артефакты обнаруживались десятками.

На большинстве стоянок Северного Прибалхашья, в частности, Семизбугу, каменные орудия залегают в неприкрытом и непереотложенном состоянии сплошным покровом и относятся к разным эпохам каменного века, начиная с ашельского времени до позднего палеолита включительно. Объясняется это тем, что на протяжении среднего и позднего антропогена климат Северного Прибалхашья не испытывал резких колебаний, и первобытные коллективы людей одной эпохи селились в наиболее удобных местах, выбранных зачастую их далекими предшественниками. Образованию же культурного слоя, по которому обычно различают памятники разных эпох,



Ил. 1. Палеолитическая стоянка Шахбагата. Залегание артефактов

противодействовал в этих районах интенсивный процесс размыва и выветривания. Лишь на заключительной фазе позднего палеолита в связи с наступившим ксеротермическим климатом люди были вынуждены покинуть некогда полноводные и цветущие долины Северного Прибалхашья (Деревянко и др. 1993).

Выявленные на обширных пространствах пустынь, полупустынь, степей Евразии многочисленные стоянки каменного века в хронологическом интервале датируются от верхнего плиоцена до голоцена. Характерная особенность палеолитических памятников аридной зоны – абсолютное преобладание стоянок открытого (наземного) типа. Многие из них являются комплексными и свидетельствуют об очень длительном пребывании древних гоминидов на одних и тех же геоморфологических позициях, нередко в течение нескольких сотен и сотен тысяч лет.

Большинство известных на сегодняшний день палеолитических местонахождений Казахстана представлено подъемными материалами. Это объясняется природно-климатическими условиями исследуемого региона, а именно: преоб-

ладанием процессов денудации над процессами аккумуляции. В связи с этим накопление археологического материала в течение длительного времени происходило на одной поверхности, в результате чего в рамках определенного местонахождения совершалось постепенное смешение разновременных комплексов. Подобные памятники, характеризующиеся смешанностью, разновременностью археологических материалов и залеганием находок вне рыхлых отложений были объединены общим понятием – «памятники с поверхностным залеганием артефактов» (Деревянко и др. 2002; Артюхова и др. 2001).

Как правило, к местонахождениям с поверхностным залеганием артефактов археологи относились скептически, считая данные памятники информативно неполноценными и недостаточно достоверными по сравнению со стратифицированными комплексами. Но при всех своих недостатках местонахождения с подъемными материалами являются не только дополнением к коллекциям каменных артефактов стратифицированных памятников, но и представляют собой самостоятельные, во многом уникальные объек-

ты со сложной структурой и массовым, как правило, типологически выраженным материалом, отражающим определенные временные этапы. Именно поэтому среди основных направлений изучения древнейших этапов заселения человеком территории Казахстана и Центральной Азии в целом актуальным является исследование палеолитических памятников с «поверхностным залеганием археологических артефактов».

Поэтому периодизация палеолита Казахстана осложняется тем, что наиболее ранние комплексы находятся в поверхностном залегании, и поэтому датирование их представляет большую сложность, хотя имеется целый ряд критериев, позволяющих достаточно объективно сопоставить многие местонахождения с поверхности относительно друг друга. Но в любом случае надежную и бесспорную периодизацию палеолита, а следовательно, и получение ответ на вопрос о времени первоначального заселения Казахстана человеком можно только на основе комплексного изучения хорошо стратифицированных палеолитических местонахождений. В этом отношении немалый интерес представляет единственный в Казахстане стратифицированный памятник раннепалеолитического времени, имеющий абсолютную датировку, о которой речь пойдет ниже.

Стратифицированный Кошкурстано-Шоктасский палеолитический комплекс. Экспедицией по изучению памятников каменного века Казахстана, совместно с коллегами из Института археологии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) на протяжении многих лет исследовались палеолитические объекты на юго-западном склоне хребта Каратау в Туркестанской области (Деревянко и др. 1996).

Одной из целей экспедиции было изучение уникальных палеолитических объектов, приуроченных к восходящим водным источникам, грифонам: Шоктас I-III и Кошкурстан I-II. Повышенное содержание минеральных соединений в водах подобных источников, функционировавших на протяжении огромного промежутка времени, от плейстоцена до современности, в определенных экологических условиях приводило к образованию травертиновых формаций различного характера. Это и обусловило как специфику аккумуляции и представленности археологического и фаунистического материала, так и само название подобных объектов – «памятники в травертинах».

Основное внимание в первые годы исследования было уделено памятнику Шоктас I (68°37'56,1 в.д., 43°25'38,2 с.ш.), расположенному в Туркестанском районе Туркестанской области в 12,7 км от поселка Кошкурстан (азимут 242°). Следы функ-

ционирования древнего источника представлены в настоящее время в виде кольца травертина диаметром 26 м (Деревянко и др. 1997). Сборы, проведенные на объекте, свидетельствовали в пользу существования культурных отложений, близких по своему генезису и по характеру содержащегося в них археологического материала памятнику Кошкурстан I (ил. 2). Начатые раскопки подтвердили это предположение.

Как и на Кошкурстане I, большая часть археологического материала, обнаруженного в отложениях внутри кольца, залегала в переотложенном состоянии, хотя и наблюдалась определенная логичность в вертикальном распространения явно разновременных находок. В целях увеличения информативности памятника была поставлена задача поиска относительно непотревоженных культурных остатков вне зоны деятельности древнего грифона. В связи с этим нами за пределами травертинового кольца был заложен ряд разведочных шурфов, расположенных на одной линии с внутрикольцевой раскопной траншеей. По техническим причинам работы были приостановлены, поскольку на глубине около двух метров был обнаружен травертиновый «плащ», перекрывающий, как предполагалось, доступ к рыхлым нижележащим отложениям (Деревянко и др. 1997).

В последующие годы была предпринята попытка пробить этот покров, используя соответствующие технические средства, отбойные молотки. В результате этих работ было выявлено, что травертиновый плащ, покрывающий достаточно значительную площадь, состоит из нескольких разнохарактерных генераций. Верхняя пачка представляет собой коричневато-серые оскольчатые комковатые пятнисто-белесые травертины, близкие по виду к травертинам кольца. У подошвы начинают попадаться обломки литых, окремненных травертинов темно-коричневого цвета с обломками темно-серых массивных палеозойских известняков, включенных непосредственно в породу. Мощность этого травертинового покрова – 1–1,2 метра. Вторая, нижележащая, генерация представляет собой плиты желтовато-серого, желтовато-коричневого плотного окремненного травертина. Имеются пропластки травертина серого света. Граница кровли этой генерации травертина выщелочена, что предполагает достаточно долгую экспозицию до момента перекрытия более поздним покровом. Вскрытая мощность окремненных травертинов – около одного метра. В шурфе, располагающемся непосредственно за кольцом, между этими двумя различными травертиновыми формациями выявлены линзочки глинистого материала, содер-



Ил. 2. Палеолитическая стоянка Кошкурган. Вид на раскоп

жащие обломки белесых травертинов. Мощность линзочек – около 30 см. В шурфах, расположенных на большем расстоянии от внешнего кольца, подобные линзы не обнаружены, верхние травертины залегают непосредственно на окремненных травертинах желтовато-коричневого цвета (*Деревянко и др. 2000 а*).

Наиболее важным результатом оказалось обнаружение в глинистом материале, разделяющем разные генерации травертин, двух археологических горизонтов, залегающих, возможно, в непотревоженном состоянии. Набор каменных артефактов невелик, однако налицо его сходство с находками из внутрикольцевой части раскопа. Сходство проявляется как в типе избранного сырья – небольшие меловые гальки и кварциты, – так и в типологии самих артефактов. Фаунистического материала на вскрытом участке обнаружено не было. Для выяснения возраста данных археологических горизонтов были отобраны для датирования обломки травертин из выше- и нижележащей пачки.

В целях выяснения истории формирования и функционирования самого источника, а также связанных с этим процессов, оказавших постдепозиционное воздействие на археологический

и фаунистический материал, были продолжены работы и во внутрикольцевой части грифона, в зоне, непосредственно примыкающей к травертиновому кольцу. Раскопки велись как вглубь, так и под кольцо.

Было обнаружено, что кольцо по мере отдаления от центра источника переходит в плащевое покрытие, названное во внешних шурфах «верхней генерацией травертин». Пройденная мощность рыхлых отложений составила более семи метров от дневной поверхности. В основании были выявлены пестроцветные, очень плотные глины, имеющие, несомненно, миоценовый или палеогеновый возраст. Данные глины залегают явно *in situ*, либо переотложены на небольшое расстояние, имеются линзочки переотложенных верхнемеловых песков. Обнаружение подобных глин, видимо, подтверждает обсуждавшуюся ранее в публикациях гипотезу о формировании грифонов, по которой меловые пески, залегающие под водоупорами, являлись своего рода коллекторами подземных вод, поступавших с горных массивов. Однако более уверенное решение проблемы генезиса источников требует проведения более обширных работ.

Необходимо отметить, что в результате ра-

бот на данном участке внутрикольцевого раскопа было зафиксировано два уровня, возможно, относительно малопотревоженного залегания археологического материала – на глубине 400-420 см и 420-440 см от нулевого репера. Каменные артефакты представлены орудиями на мелких гальках, отщепами и колотыми гальками. Основным сырьем для изготовления артефактов послужили гальки песчаника, кварца, кварцита, эффузивов.

Культурные остатки, представленные большим количеством каменных артефактов и костей ископаемых животных, залегают на глубине до девяти метров от дневной поверхности совместно в субаквальных отложениях и травертинах восходящих источников, имеющих карстовое происхождение.

Каменный инвентарь представляет гомогенный комплекс по всем технико-типологическим показателям: исходному сырью, сохранности поверхности, типологии, по технологии изготовления и первичному расщеплению. Широко использовались небольшие галечки из брекчий мелового возраста. Средний размер орудий – 3-5 см. Комплексы каменного инвентаря объектов Кошкурган и Шоктас могут быть отнесены к микроиндустриям. Первичное расщепление разнообразно, представлена техника леваллуа, «цитрон», радиальная. Укороченные сколы представляют собой отщепы. Бифасиальная техника практически отсутствует, чаще встречаются унифасы. Вторичная обработка – ретушь разных типов, подтеска, рассечение, редко резцовый скол. Имеются клетонские выемки, иногда смежные. Среди орудийного набора доминируют скребла, есть остроконечники, но присутствуют и скреблышки, скребки, зубчато-выемчатые орудия и большая серия орудий, изготовленных из галек. Кости животных принадлежат носорогу, бизону и древнему верблюду (Деревянко и др. 2000 б).

Датировка комплекса из Кошкургана I методом ЭПР (электронно-парамагнитный резонанс), сделанная по костям животных, дала следующие значения: 501 ± 22 тыс. л. н., 487 ± 20 тыс. лет назад, 470 ± 48 тыс. лет назад, что хорошо согласуется с датировкой на основании палеонтологического материала.

Можно уверенно сделать вывод об архаизме технико-типологического облика, примитивности приемов расщепления и обработки камня. Кроме того, были обнаружены и фрагменты зубов животных тираспольского фаунистического комплекса. На относительную непотревоженность уровней указывают вертикальная компактность размещения артефактов, а также наличие на каждом уровне сколов, сбитых с одного нуклеуса. Каменные артефакты, равно как и фрагменты зу-

бов, встречались как ниже, так и вне зафиксированных уровней, однако их переотложенность не вызывала сомнений. Учитывая, что травертиновое кольцо перекрывает отложения, включающие в себя данные археологические уровни, а также их высотные отметки, можно предположить ассоциацию этих уровней с археологическими горизонтами, зафиксированными за пределами кольца между различными травертиновыми генерациями. Тем не менее, достоверное решение вопроса о подобной корреляции требует проведения более экстенсивных раскопок. Помочь в разрешении этой проблемы могут и данные различных аналитических методов, для чего был проведен отбор необходимых образцов.

Менее интенсивные раскопки, проведенные на памятнике Кошкурган I, также показали, что на данном уровне исследования необходимо уже переходить к площадным исследованиям объектов (Деревянко и др. 1998).

Работы на памятнике Шоктас III ограничались двумя разведочными шурфами, заложенными во внутрикольцевой части грифона. Полученные стратиграфические, археологические и фаунистические данные указывают на почти полную идентичность памятникам Кошкурган I и Шоктас I.

Своеобразие кошкургано-шоктасского индустриального комплекса на фоне центрально-азиатского региона не такое уж большое. Аналогичные или ближние комплексы имеются в материалах стоянки Кульбулак (Узбекистан) (Касымов 1972), а также в памятниках «лессового палеолита» Лахути, Каратау, Кульдара (Таджикистан) (Ранов, Несмеянов 1973). Сравнение кошкурганских материалов с микроиндустриями ашельского времени Европы указывают на их большую близость. Имеются в виду комплексы: Вертешселлеш (Венгрия) (Kretzoi, Dobosi 1990), Бильцингслебен (Германия) (Mania 1990). На Востоке похожие комплексы имеются в Китае (Донгто) (Wu, Olsen 1985), Япония (Бабодан, Дзадзараги) (Деревянко 1984).

Очень близким к Кошкургано-Шоктасскому комплексу по геоморфологической ситуации расположения, аналогии микроиндустриальных артефактов и фаунистических остатков является памятник Бильцингслебен в Германии. Нам удалось в свое время ознакомиться с материалами Бильцингслебена, побывать на месте и ознакомиться с ходом работ на объекте во время Международного симпозиума, проходившего в Германии, и сопоставить с казахстанскими материалами. Отличие, на наш взгляд, в последнем – отсутствие на казахстанском объекте костных остатков мамонта, которые доминируют в Бильцингслебене.

Кроме того, по возрасту кошкоргано-шоктасский комплекс намного древнее, нежели Бильцинслебен. Если казахстанские памятники датируются в 510 тысяч лет, то Бильцинслебен – в пределах 350 тысяч.

Таким образом, Кошкургано-Шоктасский палеолитический комплекс является своего рода связующим звеном между Западом и Востоком Евразии в миндельское время. В конечном итоге в результате двух больших волн миграции со своей древней африканской отчизны человек заселил огромные пространства в разных географических и климатических зонах, где за десятки и сотни тысяч лет сформировал внешне различающиеся, но морфологически и генетически сходные расы, объединенные в один вид.

Заключение. Территория Казахстана, через которую проходили миграции первобытных людей, играла важную роль еще в плейстоцене. Открытия многочисленных палеолитических комплексов в Туранской и Прикаспийской пустынях, Сары-Арке, Алтае и Каратау-Сырдарьинском районе дают возможность разработки крупномасштабных проблем культурной истории палеолита Евразии в целом.

Благодаря положению, величине территории, разнообразию природно-ландшафтных зон, большому количеству типов рельефа, обилию памятников каменного века с «поверхностным залеганием» артефактов Казахстан может служить

моделью изучения палеолита аридной зоны Евразии.

Исследования различных травертиновых объектов на территории Казахстана, Узбекистана, Венгрии, Германии и других схожих объектов свидетельствуют об их формировании в едином экологическом и культурно-хронологическом контексте. Это, в свою очередь, наталкивает на мысль о выделении специфичной культурной адаптационной традиции, существовавшей на данной территории в эпоху раннего палеолита. Все это свидетельствует о дальнейшей перспективности поиска стратифицированных памятников эпохи палеолита, особенно его ранних этапов.

Благодарность. В последние годы исследование древнейших памятников палеолита Казахстана ведется в рамках Международных программ Национального музея РК с Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (руководитель академик А. П. Деревянко), Тюбингенским университетом (руководитель профессор Р. Йовита) и японским научно-исследовательским Институтом Нара (руководитель доктор С. Кунитаке), за что выражаю им огромную благодарность. Отдельная благодарность и признательность Анатолию Пантелеевичу Деревянко и его команде, с кем на протяжении сорока лет ведутся исследования палеолита на территории Казахстана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алтысбаев 1979 – Алтысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
- Амирханов 1991 – Амирханов Х. А. Палеолит юга Аравии. М.: Наука, 1991.
- Артюхова, Деревянко, Петрин и др. 2001 – Артюхова О. А., Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001.
- Деревянко 1984 – Деревянко А. П. Палеолит Японии. Новосибирск: Наука, 1984.
- Деревянко, Петрин 1989 – Деревянко А. П., Петрин В. Т. Комплекс каменной индустрии с севера котловины Больших Озер. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. 1. Новосибирск, 1989. С. 37-43.
- Деревянко и др. 1993 – Деревянко А. П., Аубекеров Б. Ж., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К., Артюхова О. А., Зенин В. Н., Петров В. Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу-пункт 2. Ранний – поздний палеолит). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993.
- Деревянко и др. 1996 – Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К., Николаев С. В., Кривошапкин А. И., Рыбалко А. Г., Семibrатов В. П. Исследования палеолитических памятников в травертинах на территории Южно-Казахстанской области РК в 1996 году // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 76-79.
- Деревянко и др. 1997 – Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. Раннепалеолитические комплексы в травертинах Южного Казахстана (вариант адаптационной модели) // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. Алматы, 1997. № 3 (19). С. 108-142.
- Деревянко и др. 1998 – Деревянко А. П., Аубекеров Б. Ж., Петрин В. Т., Николаев С. В., Таймагамбетов Ж. К. Исследование Кошкургана в 1994 г. (Южный Казахстан) // Вестник Казахско-турецкого университета им. Яссаи. 1998. № 1. С. 36-52.
- Деревянко и др. 2000 а – Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. Феномен микроиндустриальных комплексов Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 4 (4). С. 2-18.
- Деревянко и др. 2000 б – Деревянко А. П., Петрин В. Т.,

- Таймагамбетов Ж. К., Исабеков З. К., Рыбалко А. Г., Отт М. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. Новосибирск, 2000.
- Деревянко и др. 2002 – Деревянко А. П., Зенин А. Н., Олсен Д., Петрин В. Т., Цэвэндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002.
- Деревянко и др. 2003 – Деревянко А. П., Петрин В. Т., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Славинский В. С. Исследования Российско-Казахстанской экспедиции в Казахстане (1998-2001 гг.). Новосибирск, 2003.
- Деревянко и др. 2007 – Деревянко А. П., Таймагамбетов Ж. К., Нохрина Т. И., Бексеитов Г. Т., Цыбанков А. А. Индустриальные комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан). Алматы-Новосибирск, 2007.
- Касымов 1972 – Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // МИА. № 185. Л.: Наука, 1972.
- Литвинский, Окладников, Ранов 1962 – Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.
- Медоев 1982 – Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982.
- Петрин 1991 – Петрин В. Т. Поверхностный культурный горизонт // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1991. С. 15-16.
- Ранов 1965 – Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душанбе: Изд-во АН Тадж.ССР, 1965.
- Ранов, Несмеянов 1973 – Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973.
- Таймагамбетов 1993 – Таймагамбетов Ж. К. Геолого-геоморфологические условия Казахстана, проблемы палеогеографии и среда обитания древних гоминид в аридной полосе Евразии // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1993. № 5. С. 20-23.
- Kretzoi, Dobosi 1990 – Kretzoi M., Dobosi T. Vertesszolos – site man and culture. Budapest, 1990.
- Mania 1990 – Mania D. Die Funde aus Steinrinne von Bilsingsleben. Berlin, 1990.
- Wu, Olsen 1985 – Wu R., Olsen J. W. Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the Peoples Republic of China. N.-Y., 1985.